

Блок 12 СИЛА ДУХА, СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

15.3 Как Вы понимаете значение словосочетания **СИЛА ДУХА**? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему «**Что такое сила духа**».

Текст 12.1

(1)На хуторе сон и тишина. (2)Мы идём вдоль низкого, белого под луной забора, по-
ложному сложенного из плоского дикого камня. (3)Такое чувство, словно и родился я здесь, и
прожил здесь жизнь, и теперь возвращаюсь домой.

(4)Громко стучу в раму окна. (5)Нечего спать, раз мы вернулись.
(6)И сейчас же распахивается дощатая дверь. (7)Панченко, ординарец мой, сонный, зевающий,
босиком стоит на пороге.

– (8)Заходите, товарищ лейтенант.

(9)Хорошо вот так ночью вернуться с плацдарма домой. (10)Об этом не думаешь там. (11)Это
здесь со всей силой чувствуешь. (12)Мне никогда до войны не приходилось возвращаться домой
после долгой разлуки. (13)И уезжать надолго не приходилось. (14)Первый раз я уезжал из дома в
пионерский лагерь, второй раз я уезжал уже на фронт. (15)Но и тот, кто до войны возвращался домой
после долгой разлуки, не испытывал тогда того, что испытываем мы сейчас. (16)Они возвращались
соскучившиеся – мы возвращаемся живые...

(17)Сидя на подоконниках, разведчики смотрят, как мы двое едим, и глаза у них добрые.
(18)А в углу стоит широкая деревенская кровать. (19)Белая наволочка, набитая сеном, белая
простыня. (20)Многого не понимали и не ценили до войны люди. (21)Разве в мирное время понимает
человек, что такое чистые простыни? (22)За всю войну только в госпитале я спал на простынях, но
тогда они не радовали.

(23)Я ложусь на свою царскую кровать, пахнущую сеном и свежим бельём, и проваливаюсь,
как в пух. (24)Глаза слипаются, но едва задрёмаю, как, вздрогнув, просыпаюсь опять. (25)Я
просыпаюсь от тишины. (26)Даже во сне я привык прислушиваться к разрыву снарядов.

(27)И лезут в голову мысли о ребятах, оставшихся на плацдарме. (28)Зажмурюсь – и опять всё
это перед глазами: землянка связистов, в которую попала бомба, дорога в лесу и чёрные высоты,
занятые немцами...

(29)Нет, я, кажется, не усну. (30)Осторожно, чтоб не разбудить ребят, выхожу во двор,
аккуратно притворив дверь. (31)Как тихо! (32)Словно и нет войны на земле. (33)Впереди луна
садится за глиняную трубу, только краешек её светится над крышей. (34)И что-то такое древнее,
бесконечное в этом, которое было до нас и после нас будет.

(35)Я сижу на камне и вспоминаю, как в школе сорок пять минут урока были длиннее двух
веков. (36)Государства возникали и рушились, и нам казалось, что время до нас бежало с
удивительной быстротой и теперь только пошло своим нормальным ходом. (37)Впереди у каждого
из нас была целая человеческая жизнь, из которой мы прожили по четырнадцать, пятнадцать лет.

(38)Я воюю уже третий год. (39)Неужто и прежде годы были такие длинные?..
(40)Возвращаюсь в дом, укрываюсь с головой и, подрожав под шинелью, засыпаю.

(По Г.Я. Бакланову)*

* **Бакланов Григорий Яковлевич (1923–2009)** – писатель-фронтовик. Среди самых известных произведений автора – повесть «*Навеки – девятнадцатилетние*», посвящённая судьбам молодых парней – вчерашних школьников, попавших на фронт.

Текст 12.2

(1)Весной 1942 года по ленинградским улицам медленно шли две девочки – Нюра и Рая
Ивановы. (2)Впервые после долгой блокадной зимы они отправились пешком с Петроградской
стороны на Невский проспект, ко Дворцу пионеров. (3)Они обходили перевёрнутые трамваи,
прятались от взрывов в подворотнях, пробирались по грудам развалин на тротуарах. (4)Зимой
девочки похоронили мать, умершую от голода, и остались одни в закопчённой квартире с

обледеневшими стенами. (5)Чтобы согреться, сжигали мебель, одежду, книги. (6)Ослабевшую Нюру, до войны солистку знаменитого ансамбля, которым руководил Исаак Осипович Дунаевский, на санках отвезли в детский дом девушки – бойцы отряда противовоздушной обороны. (7)Рая Иванова поступила в ремесленное училище. (8)На исходе первой блокадной зимы их разыскала руководитель студии Р.А. Варшавская. (9)Как и другие работники Дворца пионеров, она, только недавно выписанная из госпиталя, шла по сохранившимся адресам, чтобы найти своих питомцев. (10)До войны Аничков дворец был сказочным детским царством, и вот теперь он снова готовился встречать детей.

(11)Из уст в уста передавалась казавшаяся невероятной весть: «Дворец пионеров ждёт нас!» (12)Об этой новости нельзя было узнать ни из газет, ни из сообщений по радио. (13)Дворец пионеров был помечен на гитлеровских картах как военный объект. (14)Как были помечены и Эрмитаж, и Русский музей.

(15)Из района в район, из дома в дом передавали как пароль: «Собратся в назначенный час...», и по улицам осаждённого города двигались дети – так начался подвиг педагогов и воспитанников ленинградского Дворца пионеров.

(16)Дети, конечно, были глубоко потрясены войной. (17)Они видели, как рушатся дома от взрывов, как падают в голодном беспомоществе люди. (18)Вера Бородулина потеряла отца, Витя Панфилов пережил смерть семерых родных... (19)В каждом доме было горе. (20)Впереди было ещё почти два года блокады...

(21)А в мае 1942 года во Дворце пионеров работали многочисленные кружки: танцевальные, вокальные, фортепьянные, рукоделия, рисования, художественного слова. (22)Искусство помогало детям выжить, но они ещё не знали о его подлинной силе.

(23)Летом 1942 года ребят впервые пригласили на военный крейсер. (24)Они поехали на грузовой машине, захватив музыкальные инструменты и танцевальные костюмы. (25)На палубе корабля играл мелодии Чайковского Витя Панфилов, танцевала Рая Иванова, читала стихи Вера Бородулина. (26)По щекам моряков, не раз смотревших смерти в лицо, текли слёзы. (27)Знавшие цену мужеству, моряки видели силу духа ленинградских школьников. (28)Крейсер готовился идти в бой, из которого вернуться не все, и в этих ребятах была сама одухотворённая надежда. (29)Прощаясь с детьми, команда построилась. (30)Ребята стали вручать подарки, которые привезли с собой. (31)Взяв матерчатый кисет из рук девочки, старшина, на груди которого было два боевых ордена, сказал: «Принимаю третью награду Родины». (32)Моряки знали цену мужеству. (По Л. Овчинниковой)*

* *Л. Овчинникова* – современная российская писательница.

Текст 12.3

(1)Ученикам о войне он рассказывал скупно.

– (2)А где вас ранило? – спрашивали ребята.

– (3)В Польше, уже в наступлении. (4)Вот, руку отняли.

(5)Что было потом, не рассказывал: не хотел вспоминать, как учился писать левой – почерком, не лишённым элегантности, как приспособился ловко надевать рюкзак одной рукой. (6)После госпиталя приехал в Москву и вернулся в университет, в котором учился до войны.

(7)Какое это было счастье – полных три года он восстанавливал себя сам: чистил кровь Пушкиным, Толстым, Герценом...

(8)Потом отправили по распределению в среднюю школу посёлка Калиново Вологодской области преподавать русский язык и литературу.

(9)Жильё выделили при школе. (10)Комната и прихожая, откуда топилась печь. (11)Дровами обеспечивали. (12)Кроме литературы, ещё приходилось учить географии и истории.

(13)Всё в Калинове было бедным, разрушенным, в изобилии только нетронутая робкая природа. (14)И люди были, пожалуй, лучше городских, тоже почти не тронутые городским душевным развратом.

(15)Общение с деревенскими ребятами развеяло его студенческие иллюзии: доброе и вечное, конечно, не отменялось, но повседневная жизнь была слишком груба. (16)Всё время мучительно думал: нужны ли все эти культурные ценности девочкам, укутанным в чиненые платки, успевшим до

зари прибрать скотину и малых братьев-сестёр, и мальчикам, выполнявшим всю мужскую тяжёлую работу? (17)Учёба на голодный желудок и потеря времени на знания, которые никогда и ни при каких условиях им не понадобятся?

(18)Детство у них давно закончилось, они все сплошь были недоросшие мужики и бабы, и даже те немногие, кого матери отпускали в школу, как будто испытывали неловкость, что занимаются глупостями вместо настоящей серьёзной работы. (19)Из-за этого некоторую неуверенность испытывал и молодой учитель – и впрямь, не отвлекает ли он их от насущного дела жизни ради излишней роскоши. (20)Какой Радищев? (21)Какой Гоголь? (22)Какой Пушкин, в конце концов? (23)Обучить грамоте и поскорее отпустить домой – работать. (24)Да и сами они только этого и желали.

(25)Тогда он впервые задумался о феномене детства. (26)Когда оно начинается, вопросов не вызывало, но когда оно заканчивается и где тот рубеж, начиная с которого человек становится взрослым? (27)Очевидно, что у деревенских ребятшек детство заканчивалось раньше, чем у городских.

(28)Северная деревня всегда жила впроголодь, а после войны все обнищали вконец, работали бабы и ребята. (29)Из тридцати ушедших на фронт местных мужиков вернулись с войны двое. (30)Дети, маленькие мужики-школьники, рано начинали трудовую жизнь, и детство у них было украдено. (31)Впрочем, что тут считать: у одних было украдено детство, у других – юность, у третьих – жизнь.

(По Л.Е. Улицкой)*

** Улицкая Людмила Евгеньевна (род. в 1943 г.) – современная российская писательница, произведения которой переведены на 25 языков.*

Текст 12.4

(1)Отца своего, который погиб на фронте, Авалбёк не помнил. (2)Первый раз он увидел его в кино, когда мальчику было лет пять.

(3)Фильм был про войну, Авалбёк сидел с матерью и чувствовал, как она вздрагивала, когда на экране стреляли. (4)Ему было не очень страшно, а иногда даже, наоборот, весело, когда падали фашисты. (5)А когда падали наши, ему казалось, что они потом встанут.

(6)Вот на экране появились артиллеристы. (7)Их было семь человек. (8)Один из них был смуглым, черноволосым, небольшого роста.

(9)И вдруг мать тихо сказала:

– Смотри, это твой отец...

(10)Почему она так сказала? (11)Зачем? (12)Может быть, случайно или потому, что вспомнила мужа. (13)И действительно, солдат на экране был очень похож на отца на той старой военной фотографии, которая висела у них дома.

(14)И мальчик поверил. (15)Он уже думал о солдате как о своём отце, и в его детской душе родилось новое для него чувство сыновней любви и нежности. (16)Как он гордился своим отцом! (17)И война с этой минуты уже не казалась мальчику забавной, ничего весёлого не было в том, как падали люди. (18)Война стала серьёзной и страшной, и он впервые испытал чувство страха за близкого человека, за того человека, которого ему всегда не хватало.

(19)А на экране шла война. (20)Появились немецкие танки. (21)Мальчик испугался. (22)«Папа, танки идут, танки!» – кричал он отцу. (23)Танков было много, они двигались вперёд и стреляли из пушек. (24)Вот упал один артиллерист, потом другой, третий... (25)И вот остался только отец, он медленно шёл навстречу танку с гранатой в руках.

– (26)Стой, не пройдёшь! – крикнул отец и бросил гранату. (27)В этот момент в него начали стрелять, и отец упал.

– (28)Это мой отец! (29)Вы видели? (30)Это моего отца убили... – закричал Авалбёк, желая, чтобы люди гордились его отцом так же, как он.

(31)И тогда соседский мальчишка, школьник, первым решил сказать ему правду.

– (32)Да это не твой отец. (33)Что ты голосишь? (34)Это артист. (35)Не веришь – спроси у киномеханика.

(36)Но киномеханик молчал: взрослые не хотели лишать мальчика его горькой и прекрасной иллюзии.

(37)Мать наклонилась к сыну, скорбная и строгая, в глазах её стояли слёзы.

– (38)Пойдём, сынок, пойдём. (39)Это был твой отец, – тихо сказала она и повела его из зала.

(40)Сердце мальчика было наполнено горем. (41)Только сейчас он понял, что значит – потерять отца. (42)Ему хотелось плакать. (43)Он посмотрел на мать, но она молчала. (44)Молчал и он. (45)Он был рад, что мать не видит его слёз.

(46)Он не знал, что с этого часа в нём начал жить отец, который давно погиб на войне.

(По Ч.Т. Айтматову)*

* *Айтматов Чингиз Торекулович (1928–2008) – киргизский писатель.*

Текст 12.5

(1)В Ленинград пришла первая послевоенная весна. (2)Однажды я шёл с завода домой. (3)Долгий закат дымил над городом. (4)Только что прошумел дождь, ещё бренчали капли, падая с карнизов, и синие лужи на мостовых курились паром.

(5)Я вспомнил, как вернулся в Ленинград перед концом войны и не узнал его: пустынными и мёртвыми казались улицы, ни один фонарь не горел, не светились окна; на месте газонов и цветников чернела голая земля, разбитая на крохотные кривые грядки; прошлогодние листья скреблись и шуршали по дорожкам перекопанных городских садов...

(6)Я шёл медленно, подставляя лицо под капли и улыбаясь собственным мыслям. (7)В ту первую после войны весну у нас было много работы; мы отстаивали по полторы-две смены и ходили злые, невыспавшиеся. (8)А теперь вот горячка кончилась и можно будет отдохнуть.

(9)Навстречу мне шла женщина. (10)Она несла букет желтоватой черёмухи. (11)Я не успел посторониться, и шершавые мягкие листья коснулись лица. (12)На миг я ощутил полузабытый запах – такой свежий, холодящий, словно от сосульки, положенной на язык.

(13)И неожиданно я увидел эту черёмуху.

(14)Старая, раскидистая, она росла в конце тихой улочки, доставая третьи этажи. (15)Можно было подумать, будто чистое летнее облако опустилось между домами. (16)И, подойдя, я остановился у склонённых веток. (17)Кисти крупных цветов качались над самой головой. (18)Их можно было трогать. (19)Их можно было сорвать.

(20)Я протянул руку. (21)Эти цветы уже сегодня будут стоять у меня дома... (22)Надламываясь, ветка громко хрустнула. (23)Я торопливо сунул её за спину. (24)Постукивая палкой, к черёмухе подходил сутулый, худой старик. (25)Сняв шляпу, он прислонился к стволу и словно задремал. (26)Мне было слышно, как он дышит, по-старчески посапывая.

(27)Я отодвинулся и тут заметил ещё двух человек. (28)Они стояли, прижавшись друг к другу, – молоденький парень и девушка. (29)Ни меня, ни старика они, казалось, не замечали.

(30)И ещё я увидел окна. (31)Настежь распахнутые окна в соседних домах. (32)Казалось, дома тоже дышали, жадно и глубоко...

(33)Я представил себе тех, кто живёт на этой улице, и подумал: как удалось им сохранить черёмуху? (34)Не со слов – сам знаю: страшной блокадной зимой, когда в комнатах застывает вода и когда садится на стенках иней, чем не пожертвуешь ради крохи тепла, ради слабенького пламени в печурке? (35)А огромное старое дерево – уцелело. (36)Не в саду, не в парке – прямо на улице, никем не охраняемое... (37)Неужто на пороге смерти своей заботились люди о красоте и ждали весны?

(По Э.Ю. Шиму)*

* Шим Эдуард Юрьевич (1930–2006) – советский писатель, драматург, автор нескольких сборников рассказов для детей и взрослых.

Текст 12.6

(1)Шла Великая Отечественная война. (2)Фашисты окружили, блокировали Ленинград, и начались страшные дни города на Неве...

(3)О том, что обед будет из трёх блюд и готовят его повара с особым старанием, ребята детского дома знали. (4)Директор дома, Мария Дмитриевна, так и сказала:

– (5)Сегодня, ребята, полный у нас обед: первое будет, второе и третье.

(6)Что же будет ребятам на первое?

– (7)Бульон куриный?

– (8)Борщ украинский?

– (9)Щи зелёные?

– (10)Суп гороховый?

– (11)Суп молочный?

(12)Нет, не знали в осаждённом Ленинграде таких диковинных супов, совсем другие супы в Ленинграде. (13)Приготовляли их из дикорастущих трав, которые нередко бывали горькими, вяжущими. (14)Ошпаривали их кипятком, выпаривали и тоже использовали для еды. (15)Назывались такие супы из трав по-особенному – супами-пюре. (16)Вот и сегодня ребятам – такой же суп.

(17)Миша Кашкин, местный всезнайка, всё точно про праздничный суп пронюхал.

– (18)Из сурепки он будет, из сурепки, – шептал ребятам.

(19)Из сурепки? (20)Так это ж отличный суп. (21)Рады ребята такому супу, ждут не дождутся, когда позовут на обед.

(22)Вслед за первым получают сегодня ребята второе. (23)Что же им на второе будет?

– (24)Макароны по-флотски?

– (25)Жаркое?

– (26)Рагу или гуляш?

(27)Нет. (28)Не знали ленинградские дети подобных блюд.

(29)Миша Кашкин и здесь пронюхал.

– (30)Котлеты из хвои! Котлеты из хвои! – кричал мальчишка.

(31)Рады ребята таким котлетам. (32)Скорей бы несли обед.

(33)Завершался праздничный обед, как и полагалось, третьим. (34)Что же будет сегодня на третье?

– (35)Компот из черешни?

– (36)Запеканка из яблок?

– (37)Апельсины?

– (38)Желе или суфле?

(39)Нет. (40)Не знали ребята подобных третьих. (41)Кисель им сегодня будет.

– (42)Повезло нам сегодня, потому что кисель из ламинарии, из морских водорослей, – шептал Кашкин. – (43)И ещё сахарину туда добавят, достанется по полграмма на каждого.

– (44)Сахарину! (45)Вот это да! (46)Так это ж на объеденье кисель получится.

(47)Обед был праздничный, полный – из трёх блюд. (48)Вкусный обед! (49)На славу!

(50)Не знали блокадные дети других обедов.

(51)900 дней продолжалась блокада города, но устояли ленинградцы, разбили фашистов. (52)Пришла в Ленинград победа!

(По С.П. Алексееву)*

Текст 12.7

(1)Когда в Белозерской школе пишут сочинение о войне, учителя знают: у кого-то в тетрадке обязательно появятся сыновья Пешеходова Семён и Василий. (2)Сыновья или кинутся под танк, или окажутся в горящем Сталинграде, или спасут полковое знамя. (3)И, прочитав, к примеру, о том, что Семён и Василий первыми таранили фашистский «мессер», учителя не возмущаются и не дают волю красному карандашу. (4)Они знают, в чём дело.

(5) В воскресные дни в людных местах Белозерска появляется старик с выцветшими глазами.

(6) Былой цвет определить трудно, словно глаза заволочло дымом, а сквозь дым не видно цвета.

(7) На старике солдатская гимнастёрка.

(8) Пешеходов не задерживается среди взрослых, его лучшие приятели и слушатели ребята.

(9) Эти засыпают вопросами, на которые он отвечает с великой охотой. (10) Более того, он ждёт этих вопросов и, отвечая на них, испытывает удивительное чувство, знакомое лишь засыхающему дереву, когда на его узловатой мёртвой ветке неожиданно зазеленеет листок.

- (11) Дедушка Пешеходов, верно, что ты на войне до Берлина пешком дошёл? - спрашивает старика кто-то из маленьких собеседников.

(12) И старик отвечает:

- (13) Прошёл до Берлина... пешком. (14) И фамилия моя потому Пешеходов.

- (15) А ты не устал?

- (16) Устал. (17) Что поделаешь! (18) Идёшь, идёшь, и конца не видно. (19) Я своих сыновей так и не догнал.

- (20) Они быстро шли?

- (21) Быстро.

- (22) Пешком?

- (23) Пешком. (24) Они же у меня Пешеходовы... (25) Только сыновья моложе. (26) Ноги у них резвые. (27) Я не поспевал за ними.

(28) Постепенно кружок слушателей увеличивается. (29) Приходят новички и те, кто уже много раз слушал дедушку Пешеходова. (30) Эти заранее знают его ответы, но терпеливо молчат. (31) У них со стариком как бы разыгрывается спектакль. (32) И каждый хорошо знает свою роль.

- (33) Дедушка Пешеходов, - уже в который раз спрашивают ребята, - а кто в первый день войны встретил немцев под Бугом?

- (34) Мои сыновья, Семён и Василий, - как бы впервые отвечает старик.

- (35) А кто в Сталинграде стоял до последнего дыхания?

- (36) Мои сыновья, Семён и Василий.

- (37) А кто грудью упал на вражескую амбразуру?

- (38) Мои сыновья...

(39) И тут, как бы желая задать старику задачу, кто-нибудь обязательно спрашивает: - (40) Как же они до Берлина дошли, если грудью на амбразуру, а там пулемёт?

(41) Нет, не собьёшь старика!

- (42) Они поднялись с амбразуры и зашагали дальше, - невозмутимо отвечает он, и в его глазах, застеленных дымом, проступает такая непоколебимая уверенность, что никто из слушателей уже не решается усомниться в словах старого солдата.

(43) А к тому времени уже готовы новые вопросы, и старик отвечает на них сдержанно и достойно.

- (44) А на Курской дуге кто задержал «тигров» и «фердинандов»?

- (45) Мои сыновья...

- (46) А кто в Берлине Красное знамя над рейхстагом поднял?

- (47) Мои сыновья...

- (48) Везде попевали?

- (49) Везде. (50) Ноги у них молодые. (51) Шли, шли без отдыха, а вернуться с войны домой сил не хватило.

- (52) Так и не вернулись?

- (53) Так и не вернулись. (54) Спят в могиле.

(55) И тогда кто-то из ребят решается спросить:

- (56) Где их могила?

(57) Старик распрямляется, и вечный дым, стоящий в его глазах, развеивается. (58) Он говорит:

- (59) Мои сыновья спят во всех солдатских могилах. (60) По всей родной земле.

(61) И оттого, что сыновья дедушки Пешеходова спят во всех братских могилах, детские горячие умы снова превращают их в былинных героев, готовых проснуться, когда пробьёт час! (По Ю. Яковлеву*)

* Яковлев Юрий Яковлевич (1923 1996) писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.

Текст 12.8

Действующая армия, «Комсомольская правда», фронтовой очерк, 1941, 21 августа.

- (1) Дети! (2) На десятки тысяч из них война обрушилась точно так же, как и на взрослых, уже хотя бы потому, что сброшенные над мирными городами фашистские бомбы имеют для всех одинаковую силу. (3) Остро, чаще острее, чем взрослые, подростки мальчуганы, девочки переживают события Великой Отечественной войны. (4) Они жадно, до последней точки, слушают сообщения Информбюро, запоминают все детали героических поступков, выписывают имена героев, их звания, их фамилии. (5) Они с беспредельным уважением провожают уходящие на фронт эшелоны, с безграничной любовью встречают прибывающих с фронта раненых.
- (6) Я видел наших детей в глубоком тылу, в тревожной прифронтовой полосе и даже на линии самого фронта. (7) И повсюду я видел у них огромную жажду дела, работы и даже подвига.
- (8) Фронтовая полоса. (9) Пропуская гурты колхозного скота, который уходит к спокойным пастбищам на восток, к перекрёстку села, машина останавливается. (10) На ступеньку вскакивает хлопчик лет пятнадцати. (11) Он что-то просит. (12) Что мальчишке надо? (13) Нам непонятно. (14) Хлеба? (15) Потом вдруг оказывается:
- (16) Дяденька, дайте два патрона.
 - (17) На что тебе патроны?
 - (18) А так... на память.
 - (19) На память патронов не дают.
- (20) Сую ему решётчатую оболочку от ручной гранаты и стреляную блестящую гильзу. (21) Губы мальчишки презрительно кривятся.
- (22) Ну вот! (23) Что с них толку?
 - (24) Ах, дорогой! (25) Так тебе нужна такая память, с которой можно взять толку? (26) Может быть, тебе дать вот эту чёрную, яйцом, гранату? (27) Может быть, тебе отцепить от тягача вот ту небольшую противотанковую пушку? (28) Лезь в машину, не ври и говори всё прямо.
- (29) И вот начинается рассказ, полный тайных недомолвок, увёрток, хотя в общем нам уже всё давно ясно. (30) Сурово сомкнулся вокруг густой лес, легли поперёк дороги глубокие овраги, распластались по берегам реки топкие камышовые болота. (31) Уходят отцы, дяди и старшие братья в партизаны. (32) А он ещё молод, но ловок, смел. (33) Он знает все лощинки, последние тропинки на сорок километров в округе. (34) Боясь, что ему не поверят, он вытягивает из-за пазухи завернутый в клеёнку комсомольский билет. (35) И не будучи вправе рассказать что-либо больше, облизывая потрескавшиеся, запалённые губы, он ждёт жадно и нетерпеливо.
- (36) Я смотрю ему в глаза. (37) Я кладу ему в горячую руку обойму. (38) Это обойма от моей винтовки. (39) Она записана на мне. (40) Я беру на себя ответственность за то, что каждая выпущенная из этих пяти патронов пуля полетит точно в ту, какую надо, сторону.
- (41) Как тебя зовут?
 - (42) Яков.
 - (43) Послушай, Яков, ну зачем тебе патроны, если у тебя нет винтовки? (44) Что же ты, из пустой глиняной крынки* стрелять будешь?
- (45) Грузовик трогается. (46) Яков спрыгивает с подножки, он подскакивает и весело кричит что-то несуразное, бестолковое. (47) Он смеётся, загадочно грозит мне вдогонку пальцем и исчезает в клубах пыли.
- (48) Ой, нет! (49) Этот паренек заложит обойму не в пустую крынку.
- (50) Ещё один случай. (51) Перед боем на берегу одной речки встретил я парнишку. (52) Разыскивая пропавшую корову, чтобы сократить путь, он переплыл реку и неожиданно очутился в расположении немцев. (53) Спрятавшись в кустах, он сидел в трёх шагах от фашистских командиров, которые долго разговаривали о чём-то, держа перед собой карту. (54) Он вернулся к нам и рассказал о том, что видел. (55) Я у него спросил:
- погоди! (56) Но ведь ты слышал, что говорили их начальники, и понимал, что это для нас очень важно. (57) Паренёк удивился:
 - Так они же, товарищ командир, говорили по-немецки!
 - (58) Знаю, что не по-турецки. (59) Ты сколько окончил классов? (60) Девять? (61) Так ты же должен был хоть что-нибудь понять из их разговора?

(62)Он уныло и огорчённо развёл руками:

- (63)Эх, товарищ командир! (64)Кабы я про эту встречу знал раньше... (По А.П. Гайдару*)

** Гайдар Аркадий Петрович (настоящая фамилия Голиков, 1904 1941) детский писатель, киносценарист, участник Гражданской и Великой Отечественной войн.*